97073

Грушевский А.
Из истории украинской этнографии: Изучение исторических песен.

№ 97073

1165035

Изъ исторіи украинской этнографіи.

Изученіе историческихъ пѣсенъ.

„Возьмемъ въ примѣръ малоросійскія пѣсни: въ нихъ помѣщены прекрасныя подобія и картины природы, простое но пылкое изъясненіе любви—и голоса ихъ всегда соотвѣтствуютъ мыслямъ. Есть-ли содержаніе ихъ трогательно, есть-ли представляетъ разлуку съ милымъ или съ мать страною, то съ разительною гармоніею тоновъ изливается вмѣстѣ самая сила чувства и выраженій. Наученная одною природою пѣвица заставляетъ и горевать съ собою природу. Она разсказываетъ свое нещастіе всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, проситъ летящихъ птичекъ донесть извѣстія о ней въ милую ея родину, и музыка въ устахъ ея бываетъ живою картиною всѣхъ томныхъ движеній горюющей души...“ [1].

„Пѣсни ихъ (т. е. малороссовъ)—говоритъ другой наблюдатель—всегда почти томны, но скрывающіеся въ нихъ, особливо для стихотворцевъ, интересные замыслы, непринужденное выраженіе мыслей и блистающая всегда какая-то нѣжность и невинность—безподобны! Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, собравшись во множествѣ и сидя на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывныя пѣсни?—Тогда эхо, въ окружности ихъ отдающееся, приноситъ съ полей и отъ лѣсовъ къ чувствительному сердцу самые трогательные тоны...“ [2].

Эти два отрывка, раздѣленные двумя десятилѣтіями, ясно показываютъ, что въ основѣ пробудившагося горячаго интереса къ изученію

---

[1] Я. М. Марковичъ въ книжкѣ: Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ (1798); о немъ статья А. М. Лазаревскаго (Кіевская Старина 1894, XII).

[2] Ал. Павловскій: Грамматика малороссійскаго нарѣчія, 1818.

украинскаго пѣсеннаго творчества лежало чувство непосредственнаго восхищенія народною поэзіею. Это непосредственное восхищеніе было первымъ импульсомъ къ собиранію и изученію народныхъ пѣсенъ; но при первыхъ же шагахъ въ этомъ направленіи оказалась трудность объяснить такое непосредственное впечатлѣніе, трудность ввести простонародныя пѣсни „чумаковъ и пастуховъ“ въ рамки классической теоріи словесности. Немного позднѣе, съ принесеннымъ романтическою струею представленіемъ о народности, это было уже не трудно, но затрудненіе пока существовало, что́ видно на примѣрѣ одного изъ первыхъ собирателей пѣсенъ, кн. Цертелева.

Издавая свой „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ“, гдѣ помѣщено 10 думъ и пѣсенъ, собиратель предпослалъ имъ общее введеніе, объясняя руководившіе мотивы и свой взглядъ на значеніе народныхъ пѣсенъ. Самъ-то онъ [3] понималъ художественную красоту народной поэзіи [4], но, объясняя ее другимъ, своимъ читателямъ, не вполнѣ увѣренно чувствуетъ себя въ своихъ доводахъ. „Собирая старинныя малороссійскія пѣсни—прямо заявляетъ издатель—я увѣренъ былъ, что не отыщу другой Иліады... малороссійскій сочинитель—напоминаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—безъ сомнѣнія не читывалъ Иліады и не слыхалъ о Гомерѣ“: это отвѣтъ на возможную ссылку критика на классическій эпосъ не въ пользу народныхъ пѣсенъ: уступка издателя идетъ и дальше: „нарѣчіе упомянутыхъ стихотвореній для большей части русскихъ покажется, можетъ быть, страннымъ и непріятнымъ (оно устарѣло для самихъ малороссіянъ)... правда, что сіи памятники народнаго генія, сохраняясь столь долгое время въ изустныхъ преданіяхъ, много испорчены“... но все-таки для кн. Цертелева ясно, что эта народная поэзія отличается и „силою выраженія и прелестью гармоніи“. Это „счастливый отпечатокъ первыхъ временъ стихотворства поэзіи безъискуственной, естественной. Вездѣ видна въ оныхъ природа, вездѣ слышны разговоры дѣйствующихъ лицъ и

---

[3] Н. И. Дашкевичъ: Отзывъ о сочиненіи Петрова, с. 119 и 120.—А. Н. Пыпинъ: Исторія русской этнографіи III. 12—14.

[4] Изданы здѣсь: I „о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ г. Азова“; II „о Алексѣѣ Поповичѣ и о бурѣ въ Черномъ морѣ“; III о смерти Ивана Коновченка; IV о Хмельницкомъ и Барабашѣ; V о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію; VI о смерти Хмельницкаго; VII „Смерть казака Ѳедора Безроднаго“; VIII „о измѣнѣ гетьмана Мазепы“; IX „тоска сестры въ разлукѣ съ братомъ“; X „отъѣздъ казака изъ родины“.

рѣдко, рѣдко сочинитель“... Для характеристики художественной стороны пѣсенъ Цертелевъ приводитъ рядъ образовъ: спасающійся изъ неволи казакъ отъ истощенія умираетъ одинокій и безпомощный въ степи и вокругъ него собираются орлы и волки; опустившаяся въ изголовьи казака кукушка жалобно кукуетъ, словно оплакиваетъ сестра брата или мать сына; ясный соколъ среди Чернаго моря на бѣломъ камнѣ своимъ жалобнымъ крикомъ что-то пророчитъ недоброе; въ похоронахъ Ивана Коновченка въ степи—обрисовывая эти картины, Цертелевъ высказываетъ и свое мнѣніе: „вообще въ пѣсняхъ малороссійскихъ все просто и благородно“; „какое прекрасное сравненіе“; „я удивляюсь вѣрности, съ каковою выразилъ онъ движенія своего сердца“; „истинно пиѣтическое сравненіе“; „прекрасныя Оссіяновы описанія бури едва ли заключаютъ въ себѣ болѣе живости и вѣрности“; или вотъ общій выводъ по поводу картины прощанія матери съ сыномъ козакомъ: „сочинитель конечно не имѣлъ никакого понятія о правилахъ поэзіи; не зналъ ни Горація, ни Буало, ни Батте, ни Ешенбурга, но природа, щедрая къ любимцамъ своимъ, внушила ему сіи щастливыя выраженія“....

Общее впечатлѣніе: „вообще проглядываетъ въ оной (малороссійской поэзіи) тихое уныніе, повсюду сопутствующее Поэту. Можетъ быть причиною сему бѣдствія, безпрерывно болѣе трехъ вѣковъ отягчавшія Малороссію и бросившія, такъ сказать, на самый характеръ народа какую-то тонкую тѣнь печали“. Это замѣчаніе интересно, какъ попытка намѣтить связь между основною окраскою народной поэзіи и общимъ характеромъ былой исторіи народа.

Вернувшись снова нѣсколько лѣтъ спустя къ вопросу о народныхъ пѣсняхъ, Цертелевъ на этотъ разъ чувствуетъ себя увѣреннѣе. Теперь ему не приходится оправдывать предъ читателями свой выборъ. Теперь можно уже и не говорить объ интересѣ, представляемомъ народными пѣснями, объ ихъ значеніи. Еще въ замѣткѣ, посвященной сборнику пѣсенъ, изданному Челяковскимъ, указываетъ Цертелевъ на необходимость болѣе внимательнаго изученія народной поэзіи[5]. Въ статейкѣ „О народныхъ стихотвореніяхъ (письмо къ г. Максимовичу)“ Цертелевъ говоритъ кстати и о значеніи народности въ литературѣ, что было вполнѣ понятно въ виду поднявшихся толковъ

[5] Сѣверный Архивъ 1824 г.

и разсужденій по этому вопросу[6]. „Знаете ли—высказывается онъ здѣсь—что сію безъискуственную поэзію предпочитаю я большей части нашихъ романовъ, балладъ и (слушайте! слушайте!) даже многимъ романтическимъ нашимъ поэмамъ“. Послѣ такъ ясно высказанной симпатіи къ народной поэзіи Цертелевъ переходитъ къ вопросу о значеніи элемента народности въ литературѣ, о необходимости изученія народной поэзіи: „скажу смѣло, что тотъ, кто хочетъ быть хорошимъ отечественнымъ писателемъ и въ особенности отечественнымъ поэтомъ; кто хочетъ дать, если можно такъ выразиться, народный колоритъ своимъ произведеніямъ: тотъ не долженъ считать бездѣлкою отечественныя преданія и пѣсни, но обязанъ вслушиваться въ нихъ сколько можно болѣе“... Русская литература должна быть проникнута духомъ русской народности. „Гдѣ же искать намъ сей народности? Въ небольшомъ числѣ писателей, постигнувшихъ духъ отечественной поэзіи, и въ такъ называемыхъ народныхъ стихотвореніяхъ...

Эти замѣчанія воскрешаютъ въ памяти старые споры о внесеніи въ изящную словесность элемента народности, о необходимости литературѣ стать народною, самобытною. И прямо съ указанія на эти толки начинаетъ свое предисловіе къ сборнику пѣсенъ М. А. Максимовичъ, издавая[7] въ 1827 году „Малороссійскія пѣсни“. „Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣнность народности; начинается уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась“...

Максимовичу уже не приходится доказывать законность своего восхищенія народными пѣснями, онъ спокойно уже высказываетъ[8] свое мнѣніе, еще недавно показавшееся бы парадоксальнымъ: „въ иномъ пѣснопѣніи нашего простонародія больше истинной, непреходящей красоты, чѣмъ въ многихъ стихотвореніяхъ сословія книжнаго“. Не пускаясь

---

[6] Вѣстникъ Европы 1827 г.

[7] Это первый сборникъ пѣсенъ, обстоятельный и научный (конечно, по тогдашнему времени): предисловіе перепечатано въ Собраніи сочиненій, II. 439—452.

[8] Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I., с. 64.

въ общія соображенія о значеніи народной поэзіи, онъ отмѣчаетъ здѣсь: „большое вниманіе въ семъ отношеніи заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная. Въ нихъ часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и нерѣдко событія дѣйствительныя, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились: *сказка—складка, а пѣсня—быль*, говоритъ пословица. Въ семъ смыслѣ весьма значительны, а потому достойны вниманія и уваженія были бы разысканія слѣдовъ народной миѳологіи, обрядовъ, собраніе пѣсенъ, пословицъ и т. д.“ Такимъ образомъ, народныя пѣсни служатъ источникомъ для познанія народности и вмѣстѣ съ тѣмъ являются свидѣтельствомъ о далекомъ быломъ, восполняя скудныя историческія данныя. Эти два указанія, встрѣчавшіяся и прежде, здѣсь они отмѣчены мелькомъ, мимоходомъ; второе будетъ разработано впослѣдствіи историками, а первое, утративъ свою новизну и ставши общеизвѣстнымъ, перестанетъ являться въ числѣ доводовъ въ пользу народной поэзіи.

Останавливается Максимовичъ и надъ выясненіемъ особенностей народной поэзіи въ зависимости отъ былыхъ судебъ народа: „Возникшая подобно кометѣ, Малороссія долго тревожила своихъ сосѣдей, долго перепадала съ одной стороны на другую и была только обуреваема бѣдствіями и безпокойствами, которыя не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волненіе. Массу ея составили не одни племена славянскія, но и другіе европейцы, а еще болѣе, кажется, азіатцы. Недовольство и отчасти угнетеніе свели ихъ въ одно мѣсто, а желаніе хотя скудной независимости, мстительная жажда набѣговъ и какое-то рыцарство сдружили ихъ. Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ веселье и безпечная лѣнь въ мирѣ: это черты дикихъ азіатовъ, жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и теперь, глядя на Малороссіянина въ его костюмѣ съ его привычками. Такимъ образомъ, коренное племя получило совсѣмъ отличный характеръ, облагороженный и возвышенный Богданомъ Хмельницкимъ. Свойства коренного племени, кажется, найболѣе сохранились между дѣвами и женами, кои, будучи отлучены отъ удалыхъ казаковъ своихъ, въ отношеніи къ нимъ весьма грубыхъ, чуждыхъ всякой домовитости, и не имѣя никакого участія въ общественномъ быту ихъ, находили все въ мирныхъ занятіяхъ домашней сельской жизни“.

„Скоропостижное соединеніе трехъ первоначальныхъ образовъ жизни нѣкогда *наѣзднической*, буйной, беззаботной, съ лѣнивымъ однообразіемъ и скудностію жизни *пастушеской* и осѣдлостію *земледѣльческой*—вотъ что составило потомъ особенность Малороссіянъ, замѣтную еще и донынѣ, по причинѣ малолюдности. Изъ сего очерка можетъ сдѣлаться нѣсколько понятнымъ и содержаніе и характеръ ихъ пѣсенъ"...

Можно отмѣтить, что авторъ придаетъ нѣсколько преувеличенное значеніе своимъ замѣткамъ о народной поэзіи и ея связи съ былыми судьбами народа. Впрочемъ, многаго нельзя и требовать отъ будущаго историка Максимовича въ виду полной неразработанности еще мѣстной исторіи. Указаніемъ на восточный элементъ въ исторіи народа, а это указаніе повторяетъ авторъ и въ другихъ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ, Максимовичъ усложнилъ свою задачу, и эта сторона осталась у него, конечно, невыясненною. Главное значеніе его сборника лежитъ въ подборѣ матеріала и его свѣжести.

За сборникомъ Максимовича всегда останется заслуга пробужденія особеннаго интереса къ народной поэзіи, и проще всего теперь было бы перейти къ тѣмъ изслѣдователямъ, для которыхъ толчкомъ къ занятямъ народною поэзіею и ея изученію послужилъ именно Максимовичскій сборникъ; такимъ образомъ на очереди были бы Бодянскій и Костомаровъ[9], но, слѣдуя хронологической послѣдовательности, между ними нужно вспомнить еще и оригинальные сборники И. И. Срезневскаго: „Запорожская Старина". На нихъ лежитъ упрекъ[10] въ намѣренныхъ поддѣлкахъ народныхъ пѣсенъ и въ сознательномъ помѣщеніи, въ качествѣ подлинныхъ, пѣсенъ съ вымышленною отмѣткою—записано мною со словъ бандуриста. Психологическая основа этихъ поддѣлокъ не выяснена, такъ какъ Срезневскій не отвѣчалъ на брошенный ему упрекъ. Въ цѣляхъ, намѣченныхъ настоящимъ очеркомъ, достаточно пока отмѣтить взглядъ на народную поэзію, высказанный Срезневскимъ въ „предисловіи"[11] къ „Запорожской Старинѣ": „Кто можетъ слушать

---

[9] О Бодянскомъ въ помникѣ А. А. Котляревскаго (Славянскій Ежегодникъ 1878), о Костомаровѣ въ статьѣ П. Кулиша (Новь 1885).

[10] В. Антоновичъ и М. Драгомановъ: „Историческія пѣсни малорусскаго народа ICXVIII—XXXII и по поводу этого изданія статья П. Костомарова въ Вѣстникѣ Европы 1874, XII (ctr. письмо Костомарова къ А. Корсуну—Русскій Архивъ 1890, X.).

[11] Переиздано въ статьѣ Вс. Срезневскаго „Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго".

безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками, старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго сладкогласія, ни изнѣженности чувствъ, ни роскоши выраженій. Нѣтъ! въ нихъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи,—все порывисто, подобно полету урагана степнаго, подъ глухія завыванія котораго онѣ взлелѣяны,—все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья. Нѣжное чувство нерѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ, но какъ кипучая волна насытенецкой пучины Пекла среди холода зимняго сквозь прозрачную кору льда, ее покрывающую, пробивается и застываетъ на ней. То пѣсни юноши, коего сердце, почерствѣвши для умильнаго чувства любви, суровое, непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи, питается однимъ желаніемъ битвъ, юноши, который неравнодушно взирая на гибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отмщевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагою, самонадѣянностью.—То думы старца: убѣленная лѣтами голова его покоится на изголовьѣ могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли, будто дымъ сновидѣній; но его душѣ осталась еще одна услада, то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбуждающіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ и голосъ его уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнила ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя и глубокаго и самобытнаго“...

Указаніе на „грубую хотя и величественную, поэтическую“ старину въ контрастъ съ „чопорнымъ сладкогласіемъ“ свидѣтельствуетъ, какой путь прошла литературная критика со времени Цертелева, извинявшагося предъ своими читателями именно за превозносимыя теперь особенности народной поэзіи. Срезневскій не стоялъ одиноко со своими взглядами, ихъ раздѣляли и другіе; около него въ Харьковѣ группировался кружокъ молодыхъ людей, занимавшихся собираніемъ

пѣсенъ. Изданный Срезневскимъ сборникъ произвелъ сильное впечатлѣніе на читающую публику, не подозрѣвавшую, конечно, подложности здѣсь издаваемаго матеріала: да именно фальсификаты въ родѣ т. н. „Думы о трехъ полководцахъ“ наиболѣе нравились и наиболѣе цѣнились, какъ яркое выраженіе народнаго самобытнаго творчества и отраженіе давно прожитыхъ народомъ временъ. Заслуга Срезневскаго лежитъ не только въ изданіи историческихъ пѣсенъ и ихъ коментированіи, но и въ томъ, что онъ первый среди ранней группы этнографовъ указалъ достаточно полно на значеніе пѣсенъ для историческихъ изслѣдованій и самъ въ объяснительныхъ статьяхъ „Запорожской Старины“ и отдѣльныхъ этюдахъ ими въ достаточной мѣрѣ воспользовался. Переводы пѣсенъ, отрывки изъ лѣтописей и свидѣтельства старыхъ писателей въ этихъ объяснительныхъ статьяхъ „Запорожской Старины“ рядомъ другъ съ другомъ приводятся, какъ матеріалъ для связнаго воспроизведенія былого. А вотъ и нѣсколько общихъ замѣчаній Срезневскаго о значеніи пѣсенъ для историка: „Лѣтописи Украинскія повѣствуютъ только о подвигахъ сего народа, касаясь очень рѣдко до внутренней жизни его, и самые даже подвиги описываютъ иногда кратко, иногда невѣрно, сбивчиво, часто противорѣча одна другой. Еще менѣе заслуживаютъ вниманія лѣтописи Польскія; еще менѣе лѣтописи Молдавскія, наконецъ Русскія лѣтописи почти ничего не говорятъ о запорожцахъ: это выдвигаетъ значеніе преданій бандуристовъ, хранителей историческихъ народныхъ пѣсенъ: хотя преданія о старинѣ, ими разсказываемыя, и подлежатъ строгой критикѣ, но тѣмъ не менѣе почти необходимы для всякаго, кто желаетъ знать исторію Запорожцевъ и даже остальной Украины“. Тутъ же намѣчается и способъ пользованія этими преданіями въ цѣляхъ научныхъ: „въ сихъ преданіяхъ могутъ быть ошибки въ мелочахъ,—въ именахъ собственныхъ, въ послѣдовательности происшествій. Этого рода преданія можно повѣрить лѣтописями, еще лучше свѣрить ихъ между собою; ибо ни ложь, ни ошибка не можетъ быть общею, одинъ бандуристъ скажетъ такъ, другой иначе; критика поможетъ отличить истину отъ вымысла“. Другой родъ преданій бандуристовъ о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ запорожцевъ, т. е. о всемъ, что касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоцѣнны, ибо единственны въ своемъ родѣ по содержанію и по обширности. Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другого рода суть пѣсни и думы...

Эти изслѣдователи разрабатывали попадавшійся подъ руку матеріалъ; границы изученія еще не были намѣчены. Новая записанная типичная пѣсня, новонайденная дума или возстановленный ея обломокъ расширяли кругозоръ. Среди такой спокойной увѣренности неожиданнымъ диссонансомъ прозвучали сѣтованія Лукашевича объ оскудѣніи народной поэзіи и гибели народныхъ пѣсенъ, вытѣсняемыхъ новыми заимствованными („Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни 1836 г.“). „Я спасъ еще нѣсколько—говоритъ здѣсь собиратель—народныхъ пѣсенъ и представляю ихъ въ этомъ собраніи. Вѣроятно, это можетъ быть послѣднее ихъ изданіе, заимствованное прямо изъ Малороссіи, тамъ народныя пѣсни давнымъ давно уже не существуютъ; всѣ онѣ исключительно замѣнены солдатскими или великороссійскими пѣснями... Итакъ, эти пѣсни, которыя я издаю, есть уже мертвыя для Малороссіянъ. Это только малѣйшіе остатки той чудной пѣсенности ихъ дѣдовъ, которая была удивленіемъ и самихъ хулителей всего Украинскаго; не стану разсуждать объ ихъ достоинствѣ и голосахъ, скажу только, что я почитаю себя исполнившимъ долгъ свой предъ своею родиною, исторгнувъ изъ забвенія эту Южно-Русскую народную поэзію у старцевъ, занесшихъ одну ногу въ гробъ. Я посвящаю ее моимъ предкамъ Гетьманцамъ, она имъ принадлежитъ; быть можетъ, хотя одинъ листочекъ изъ сего собранія упадетъ на завалившуюся могилу или долетитъ на высокій курганъ козацкій“. Лежащее здѣсь въ основѣ наблюденіе, конечно, вѣрно: настоящія народныя пѣсни мало по малу вытѣсняются другими, являющимися со стороны, чуждыми народному быту пѣснями, но поспѣшно было бы отсюда дѣлать заключеніе о гибели вообще народной поэзіи и безплодности новыхъ записей: и позднѣйшіе собиратели и изслѣдователи блестяще опровергли эти опасенія—и расширеніемъ наличности прежде записанныхъ категорій пѣсенъ, и записью совершенно новыхъ типичныхъ.

Около тогоже времени, какъ Лукашевичъ высказывалъ свои грустныя мысли о гибели народной поэзіи, славистъ О. М. Бодянскій, и самъ занимавшійся записью пѣсенъ, сдѣлалъ первую попытку выяснить болѣе обстоятельно и научно, чѣмъ прежде дѣлалось, основныя отличительныя черты малороссійской народной поэзіи[12]. Тема была поставлена широко—народныя пѣсни всего славянскаго міра и въ основу

[12] „О народной поэзіи славянскихъ племенъ“ (1837).

характеристики положено была представленіе о связи народной поэзіи въ ея цѣломъ съ былыми судьбами народа. Тема оказывалась слишкомъ сложною и, конечно, могла быть выполнена лишь въ общемъ. Начинается изслѣдованіе съ указанія на значеніе народной пѣсни, какъ выраженіе настроенія и воззрѣній народа—творца. „Каждый народъ, выступая на поприще жизни, начиная свое бытіе и будучи отъ природы поэтомъ—художникомъ, все, что̀ въ немъ и внѣ его ни творится, что́ выходитъ изъ колеи обыкновенной, положительно прозаической жизни, что́ нарушаетъ теченіе матеріальнаго существованія, выплескиваетъ за края однообразнаго, ежедневнаго міра, что по какой бы то ни было причинѣ нарушаетъ обычный бѣгъ вещей, возбуждаютъ внутреннюю дѣятельность духа, производитъ живое, глубокое сильное впечатлѣніе, все это, всѣ эти необыкновенныя положенія свои, эти исключенія въ своей жизни, народъ схватываетъ, жадно ловитъ и въ то же мгновеніе, на самомъ мѣстѣ событія, по свѣжимъ, жаркимъ слѣдамъ его, воспѣваетъ въ звучной самородной, своеобразной пѣснѣ“... Являясь такимъ образомъ отголоскомъ пережитаго прошлаго, народная поэзія есть и свидѣтельство о немъ, и по ней мы можемъ судить объ основныхъ моментахъ исторіи народа. „Поэзія поясняетъ собой исторію, замѣняетъ ее. По ней тотчасъ можно открыть, какой путь прежде проходилъ народъ, что съ нимъ было, какъ онъ развивался и дошелъ до того состоянія, въ какомъ теперь находится. Конечно, тутъ не будетъ ни годовъ, ни чиселъ, ни именъ и т. п. принадлежностей лѣтописи, за то все это пополняетъ собой духъ времени, духъ прожитой жизни, потому что Поэзія есть самое вѣрнѣйшее и никакому сомнѣнію не подлежащее свидѣтельство о жизни народа, картина его бытія“...

Значеніе народной поэзіи—какъ источника историческаго—одинъ изъ тезисовъ изслѣдованія Бодянскаго: выясненіе генезиса особенностей народной поэзіи у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, историческая подкладка этихъ особенностей задача второй половины разсматриваемой работы. Само собою разумѣется, въ своихъ взглядахъ стоитъ изслѣдователь на почвѣ романтическаго воззрѣнія старины: вотъ нѣсколько выраженій изслѣдователя о козачествѣ: „вся бездонность, вся мощь ихъ воли“, „широкая безграничная козацкая или рыцарская воля“, „исполинская, бездонная, адамантовая козацкая воля“. При такомъ романтическомъ міросозерцаніи и все козачество—люди,

уходившіе изъ общества, вслѣдствіе невозможности для нихъ ужиться при данныхъ условіяхъ быта, уходившіе „съ непримиримою местію въ душѣ къ разорителямъ своей родины“ – все это получаетъ своеобразную подрисовку. „Такая долгая треволненная жизнь: цѣлые пять вѣковъ не влагать въ ножны меча, день и ночь вести борьбу съ внѣшними и внутренними врагами, отъ *Бурлацко-Гайдамацкаго* быта перейти къ *Козацкому*, а отъ этого, наконецъ, со слезами на глазахъ, къ *Чумацко-Земледѣльческому*, такая жизнь народа, всею душей своей привязавшагося пламенно, бѣшенно къ воинской славѣ, и чѣмъ долѣе упивавшагося ею, тѣмъ болѣе жаждавшаго, народа, у котораго желѣзная славянская мощь достигла высшей степени разгара, своего зенита, безъ всякой посторонней помощи и сотрудничества, но при личнособственныхъ силахъ, такая огненная жизнь, неожиданно, ex abrupto прерванная судьбой, на пути величайшаго своего разширенія, полнаго разлива, на всемъ ходу, на всемъ бѣгу корабля, несшагося къ землѣ обѣтованія, что, спрашиваемъ, такая жизнь такого народа должна была произвести въ немъ самомъ?“... и самъ отвѣчаетъ на свой вопросъ— въ результатѣ „неудовольствіе, прямо отъ глубины души шедшее и запечатлѣнное всею энергіею ея, досада на свою щербатую долю“...

Послѣ цѣлаго ряда другъ за другомъ слѣдовавшихъ попытокъ выяснить основныя черты народной поэзіи, общій ея тонъ и происхожденіе преобладающаго здѣсь чувства, послѣ этихъ попытокъ вполнѣ естественно было бы перейти къ болѣе детальному изученію. Бодянскій ярче другихъ не на единичномъ примѣрѣ, а на цѣломъ рядѣ ихъ на отдѣльныхъ вѣтвяхъ слагянскаго племени показалъ связь основныхъ чертъ народнаго пѣсеннаго творчества съ исторіею, судьбами народа, и теперь предстояло выяснить это въ частностяхъ, то есть прослѣдить, не сходя еще съ точки зрѣнія историко-литературной, какой именно слѣдъ оставили тѣ и другіе моменты прожитаго въ народныхъ пѣсняхъ; къ этому же вопросу можно было подойти и съ другой стороны, именно, разсматривая пѣсни какъ историческій источникъ, но такая постановка вопроса явилась позднѣе, а пока къ нему легче было подойти со стороны историко-литературныхъ изученій.

Такъ именно подошелъ и такую именно попытку сдѣлалъ Н. И. Костомаровъ въ своей второй магистерской диссертаціи: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ (1843). Послѣ общихъ замѣчаній объ усиленіи интереса къ народной поэзіи, о предпринятыхъ

на этомъ полѣ работахъ, о причинахъ такого усиленія интереса къ народному творчеству, о значеніи народныхъ пѣсенъ, какъ живаго и непосредственнаго выраженія народной души, изслѣдователь останавливается надъ выясненіемъ важности народныхъ пѣсенъ для историческихъ изысканій: здѣсь—„взглядъ народа на прошедшую свою политическую жизнь, взглядъ народа какъ на прошедшую, такъ и настоящую свою жизнь, разсматриваемую in statu quo, взятую какъ бы въ моментъ его существованія: это картина жизни, внутренняя исторія, передаваемая изустно самимъ народомъ“... Эти указанія автора, повторяющія, въ иной нѣсколько формѣ, старую мысль о связи народной поэзіи съ былыми судьбами народа-творца, достаточно выясняютъ точку зрѣнія изслѣдователя. Нѣкоторую неясность допустилъ Костомаровъ въ группировкѣ матеріала; напримѣръ, выдѣляя въ главѣ 5-ой: „Общественная жизнь“, типы народной поэзіи, изслѣдователь ставитъ на одну доску и отжившій уже типъ козака (съ характеристикою Морозенка и Нечая) и доселѣ въ жизни существующій типъ парубка или дивчины: здѣсь есть разница и, разсматривая „Историческое значеніе“ пѣсенъ, разницу эту нужно было бы оттѣнить. Другого рода неясность является вслѣдствіе обособленнаго положенія очерка: „Символика народныхъ пѣсенъ“ (глава 2-ая): какое отношеніе этой символики къ воспроизведенію—эпоха за эпохою—былыхъ судебъ народа, воспроизведенію, пользующемуся въ своихъ картинахъ народною символикою? въ хронологической послѣдовательности воспроизводя современность, народное творчество находитъ ли готовымъ запасъ символическихъ образовъ или же само постепенно создаетъ новый и новый запасъ? Позднѣе Костомаровъ исправилъ эту неясность, предпославъ въ своихъ позднѣйшихъ статьяхъ изложенію народной символики заголовокъ: “Періодъ язычества или отдаленной древности“, подчеркивая здѣсь такимъ образомъ характеръ переживаній.

Перечисляя одинъ за другимъ символы народной поэзіи, распредѣленные по царствамъ природы (царства растительнаго, царства животнаго), Костомаровъ указываетъ здѣсь мѣстами остатки миѳическихъ вѣрованій, оттѣняетъ иногда прежнее употребленіе вещи, какъ основу для возникновенія символа или отраженіе прежнихъ условій быта. Здѣсь нужно отмѣтить, что въ изученіи символики Костомаровъ имѣлъ предшественника въ лицѣ упоминавшагося выше М. А. Максимовича. Изучая „Слово о полку Игоревѣ“, этотъ ученый остановил-

ся[13] и на выясненіи народной символики, опираясь на свою обширную освѣдомленность въ области народныхъ пѣсенъ. Богатая память всегда подсказываетъ Максимовичу сходные образы въ народныхъ пѣсняхъ, и это очень важно въ смыслѣ установленія единства въ народномъ творчествѣ разныхъ эпохъ.

Переходя къ анализу историческихъ воспоминаній въ народныхъ пѣсняхъ, Костомаровъ замѣчаетъ, что намъ и извѣстны-то не всѣ еще сохранившіяся въ народѣ историческія пѣсни, а существовало ихъ ранѣе гораздо больше, да исчезли онѣ изъ памяти, вытѣсненныя послѣдующими, полными захватывающаго интереса, событіями. Распредѣляетъ изслѣдователь пѣсни въ трехъ циклахъ: турецко-татарскомъ, польскомъ и русскомъ, при чемъ турецко-татарскій распадается на памятники о подвигахъ козаковъ на берегахъ Дуная, памятники о морскихъ походахъ козаковъ и памятники о татарскихъ набѣгахъ и степной войнѣ съ татарами. Начинается систематическій обзоръ пѣсенъ съ Дунайскихъ походовъ и личности Байды, далѣе идутъ Свирговскій и Серпяга, потомъ слѣдуютъ пѣсни о морскихъ походахъ козаковъ и пѣсни т. н. невольницкія. Къ бѣглому замѣчанію, что прежде козаки жили съ поляками, „якъ зъ ридными братами“ (замѣчаніе это предпослано циклу о борьбѣ съ поляками), сдѣлана ссылка на т. н. думу о дарахъ Баторія въ „Запорожской Старинѣ“: тогда авторъ вѣрилъ еще и „Запорожской Старинѣ“ и т. н. Конисскому и вслѣдствіе того подчеркиваетъ, что въ подложной думѣ событія переданы „согласно съ повѣствованіемъ Конисскаго, противно лѣтописямъ польскимъ“, поэтому Свирговскій рисуется „какъ Ахиллесъ героическихъ временъ козачины“, поэтому-то, наконецъ, и фальсификатъ, т. н. дума о трехъ полководцахъ, признается здѣсь за яркое отраженіе, „горькаго времени народнаго отчаянья“, а въ заключеніи о „главной идеѣ, проникающей духовное существо Малорусса“, именно, „безусловной преданности волѣ Божіей“, изслѣдователь идетъ опять-таки отъ подложной думы. Общій взглядъ на козачество такой: „въ XVII в. Малороссія воспрянула отъ долгаго летаргическаго сна, народъ ея зажилъ шумною, бурною, военною дѣятельностью, образовалось козачество... полити-

[13] Собственно „Народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей“ въ статьѣ „Пѣснь о полку Игоревѣ“ Собраніе сочиненій, III, 547—553; сюда и сопоставленія на с.с. 524, 532 541—547.

ческая жизнь Малороссіи была военною. Козакъ, руководимый идеями вѣры и любви къ родинѣ, жилъ въ безпрерывной брани; слѣдовательно, историческія малорусскія пѣсни есть преимущественно пѣсни военныя"...

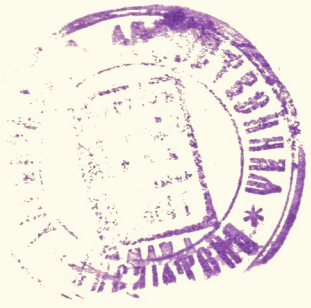
Изслѣдованіе Костомарова можно разсматривать какъ завершеніе раннихъ шаговъ по разработкѣ народныхъ историческихъ пѣсенъ. И до него дѣлались указанія на цѣнность историческихъ воспоминаній въ пѣсняхъ, и до него подмѣчено было преобладаніе воспоминаній именно временъ козачества; взгляды на значеніе народной поэзіи, какъ отраженіе жизни народа, не разъ повторявшіеся, Костомаровъ нашелъ уже готовыми, какъ и указаніе на постепенную смѣну и въ жизни и въ отражающей жизнь поэзіи различныхъ складовъ быта,—и заслуга его самого заключается въ широкой постановкѣ вопроса, объединившей въ цѣльную законченную схему одинокіе намеки и указанія, начиная съ миѳологическаго значенія отдѣльныхъ символовъ и кончая послѣдовательностью бытовыхъ типовъ въ пѣсняхъ. Включить все это въ одну общую рамку „историческаго значенія народной поэзіи" было новостью для того времени, и читающая публика встрѣтила это съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Однако, несмотря на нѣкоторую неполноту и неясность, здѣсь была въ основѣ цѣнная мысль, и это придаетъ значеніе разбираемому труду въ исторіи изученія народныхъ историческихъ пѣсенъ. Будущій историкъ подошелъ здѣсь къ своему матеріалу со стороны историко-литературной, не вполнѣ исчерпавъ историографическое его значеніе; но этнографія, какъ начальная часть исторіи литературы, выдвинула позднѣе иныя задачи, иные способы изученія, и потому, когда Костомаровъ, лѣтъ тридцать спустя, снова вернулся[14] къ этой темѣ, не измѣнивъ пріемовъ изученія и способовъ разработки, то общія указанія оказались здѣсь не на высотѣ научныхъ требованій; соображенія же его о значеніи пѣсенъ, какъ историческаго источника, вполнѣ сохраняютъ свое научное достоинство: изслѣдователь примѣнилъ къ своимъ прежнимъ выводамъ обострившійся за это время критическій анализъ и внимательно перебралъ свои прежнія заключенія.

Александръ Грушевскій.

[14] Статьи въ Бесѣдѣ 1872 и Русской Мысли 1880 и 1883 г.г.

Печатано съ разрѣшенія Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Университета св. Владиміра Кіевъ, 24 ноября 1905 г. Деканъ *И. Бубновъ*.

Первая Кіевская Артель Печатнаго Дѣла. Трехсвятительская ул., № 5. Тел. № 1069.



Перевірено 1948 р.